

Пора (время-бытие). Лекция V (17.10.1995). Часть 1.

Уточнение к прошлому разу, чтобы если кто подумал, что я говорю о *романтике* встречи с другим, или в смысле диалогизма Левинаса, или в смысле усмотрения Идеи рода. Всё гораздо проще и раньше чем различение даже *я — ты*. Двое, встретившись, даже если не хотят, угадают в какой-то момент, что их встреча заказана поколениями, может быть бесконечным рядом, и их *я-ты* несамостоятельно, служебно для целей рода, они втянуты в его автомат. Что люди при такой встрече с родом могут думать и переживать очень разное и их может бросать к поступкам и образам поведения, которые кажется идут прямо вразрез с требованиями продолжения рода, для надобностей общества или государства, показывает только, что род действительно *большая* вещь и охвачена быть если может, то именно *сразу*, *ἄμα*, как именно захватывающая. Большую вещь можно схватить всю в целом сразу только как захватывающую. Захватывающее в ней опять же всякое, задевающее и тело, и мысль, и настроение, онтологию-психологию: *нас*. Кто *знает*, что такое род, скажем биологический механизм, или идея, или народ, тому не лучше, а хуже, потому что ему придется пересмотреть свое знание. Род раньше и проще, чем *я-ты*, мужское и женское, индивидуальное и общее, временное и вечное.

Эта *неожиданность*, *пара-доксальность* рода (т.е. что он парадоксон, оказывается не тем, что мы думали) входит в его величину-сдвиг, или в его софию, или в его *автоматику* (здесь можно вспомнить те автоматы Витгенштейна, где смена аспекта *неизбежна* и так сказать встроена в автомат; можно вспомнить и сократовский автомат, где всякое схватывание, всякая докса, обязательно вывернется и обернется другим чем казалось). Встроенную в эту софийную автоматику *историю* Аристотель называет *πρότερον-ὑστερον*, где ни в коем случае нельзя вообразить себе какую-то линию в пространстве и времени и расположение на ней в привычном нам отношении раньше-позже. Если уж кто хочет обязательно соотнести протерон-хюстерон с расстоянием во времени, то может, но должен взять время лучше *наоборот*, в том смысле, как я сказал, хорошо уловив, что мы увидим, что *будет* с прошлым. Надо вспомнить аристотелевское известное; что самое раннее по сути, то самое позднее для нас, и движение от протерон к хюстерон понимать скорее как движение назад к раннему, так что раннее еще только *будет*, всё равно для нас или не для нас, не для нас а само по себе оно тоже *будет* по сути, т.е. в большей мере будет, чем что-нибудь другое. И для нас тоже оно будет, но не так, что когда его еще нет, его нет: когда его нет для нас, оно всё равно есть, и мы его видим со словами: «А, вот оно что оказывается!»

Протерон-хюстерон не нами в событие вмыслены, а сами себя утверждают вместе с сутью (бытием, природой, фюсис), которая и нами обнаруживается, и сама себя обнаруживает, например когда (допустим, мы не обязаны быть тут точными, и во всякой современной космогонии какое-то подобное выявление прослеживается) — когда первоначальная смесь вещества и энергии расслаивается на вещество и энергию, в нашей по крайней мере «удобной» в этом отношении, как говорят квантовые механики, вселенной.

В событии мира нас захватила загадка его начала не так ведь, что рабовладельцы, имея свободное время, от нечего делать задумались о том откуда всё взялось, а так, что и до них, если они такие были, и после них и всегда и сейчас каждый человек во всяком своем действии и бездействии заранее определен своей интуицией того, откуда и куда всё — большей частью он думает, что к провалу в дыру, и действует и поступает соответственно, получая соответственно ад, не за то что мир плохой, а за то что он так решил, увидел и выбрал себе, на всякий случай. Пониманием как чутьем и интуицией, откуда и куда всё (например твердым знанием про себя, что идеологи могут благодушеествовать сколько хотят, но я-то сам себе хорошо знаю, что всё напрасно, определен всегда всякий человек в своем действии и бездействии). — Это откуда-куда шире и проще, я говорил, времени и пространства. *Куда* может прекрасно быть не только из настоящего в прошлое, но в другое измерение, в выпад из всяких измерений, в ничто и так далее; нас ведет перед лицом величия, и мы способны на самые фантастические поступки и гипотезы. И вовсе не в том дело что мы метафизики, а преодолевшие метафизику постмодернисты запрещают себе логоцентрическую схему, разметку данности по смыслам и направлением. Если Жаку Деррида чудится, что *после* будет *зола*, остается зола, то это его глаза так видят аристотелевское ὄστρον, то, что остается и оказывается.

Прямое отношение аристотелевское протерон-хюстерон имеет к феноменологии, к такой простой вещи как смена глаз при всяком приближении к автомату софии; на всё что захватывает нас мы всегда смотрим и всегда еще посмотрим всё новыми и новыми, другими и другими глазами, всякая настоящая *величина* повернется еще так как сейчас нельзя предвидеть, и глупо думают те, <кто полагает> что это игра психики и надо утвердиться в чем-то прочном: никакая это не психология, а посильное свидетельство существа, еще не погрузившегося в анестезию (не «утвердившегося» в чем-то «прочном»), о том что он жив и захвачен величиной, — *объективное свидетельство величия*: что величина, величие *безусловно*, что она захватывает нас, не мы ее.

Т.е. еще раз: мы попали в историю вовсе не потому, что неотвратимо и необратимо движется время, а потому что захватившие нас величины, как мир, небо, род, действительно величины и силы, и на собственной шкуре, даже и тоже, в том числе, мы чувствуем их тяготение; оно нас затягивает; к *началу-остатку*, протерон-хюстерон этого тяготения мы *сначала* привязаны, а *потом уж только* внимательны. — Когда внимательны и тематизируем сначала-после, получаем время как ход, исчисленное прохождение сдвига. — Очень хорошо, если сейчас кто-нибудь протестует в душе: какое же к черту *исчисленное* на один-два-три по ранжиру и с нивелированием, если сдвиг в каждом «теперь» своего перепада неповторим и уникален?

Определение Аристотеля, время число (мера) сдвига, не сразу ясно; это не беда, если не спешить опознавать в нем то, что мы и сами давно знали; оно скорее похоже на спрессованную задачку, чем на такое, на что можно опереться и потом спокойно идти дальше. Философия наверное и конструирование тоже, но только тот, кто изволит прочитывать в этих конструкциях какие-то готовые дефиниции, и видит естественно что они

всегда оказываются условными и сомнительными, должен будет их потом деконструировать снова до вопросов. Но лучше было бы сразу не поддаваться видимости и не обязательно думать, что грамматическая форма, субъект-предикат, имела для философа магическое значение печати в государственной организации, якобы он должен был подчиняться современной бледной постмодерной идее, что язык это полицейский. Чёрта с два язык был для Аристотеля репрессивной системой. Деконструктивист слишком поворотлив и сообразителен, слишком интеллектуал, он делает сразу два; сначала быстренько вчитывает в текст свою схему, раз текст старый философский, он должен быть метафизическим, а деконструктивист знает что такое метафизика, логоцентризм и так далее, — и потом так же быстренько и умело ту свою собственную постройку эффектно разбирает, остается с чистыми вопросами. — Но мысль с самого начала если была конструкцией, то мудрой конструкцией, постройкой из уместных вопросов, а не так, что свалакивайте все вопросы в одну грудку и чтоб была свалка. Аристотель видит себя уже на свалке (свалка вся земля), а постмодерн выискивает, где еще порядок, и делает свалку.

У старой мысли было больше чутья к слову, больше игры, провокации, сплошная ирония. И потом, господа, учитель, профессор, взлезавший на кафедру и прочитывающий оттуда дефиниции, — это постхристианское явление, извод пастора и проповедника. Дефиниции у Платона и Аристотеля пародии и ирония, вопросы в гораздо большей мере и разметка места для работы, чем «первопринципы». Аристотель, с какой стати он стал бы вещать как пророк. Это началось позднее. В классическое время в Афинах просто умели различать жанры.

Проблема для Аристотеля, и для меня тоже, в том параллелизме, о котором на прошлой паре. Сдвиг величины, величие как сдвиг, он в основании времени, имеет свой ритм, свою законо-мерность, и не достаточно ли его? накладываемый поверх того еще наш механический счет получается намазыванием масла на масло; как будто нам *того* ритма не хватило, и мы еще ввели к тому второй. Откуда два, наложение часового времени на время события, почему мало было одного?

Сегодня мы должны будем на этот вопрос ответить. Еще раз: ситуация такова, что часовое время только *кажется* привязано к астрономическому, к времени космических сдвигов. Оно на самом деле другое, отдельное. Само по себе. Приводить его в соответствие с астрономическим еще только надо, время от времени такая подправка и делается. — Или та же парность, но чуть с другой стороны. Есть то, *что* мы считаем, и то, *чем* мы считаем, и время есть число считаемое, а не то чем считаем, говорит Аристотель?

Не правда ли, что-то как будто бы чуть-чуть не так? Вроде бы мы временем-то считаем: 5 месяцев длится строительство, до звезды столько-то световых лет. Не правда ли. Подумайте об этом настойчивом повторении у Аристотеля на правой колонке 219 страницы первого тома Аристотеля Прусской академии наук (предлагается как тема для семинара через неделю, 24 октября): «Время есть то, что считаем, а не то, чем считаем». Когда это повторяется уже третий раз на странице, некоторые

издатели считают что слишком и выбрасывают. Может быть Аристотель повторял, чтобы заострить парадокс. «Мне сто лет», говорит молодой человек в одном фильме Анджея Вайды («Пепел и алмаз»), т.е. временем вроде бы считает продолжительность своей жизни, а, разве нет?

Первое что мне пришло в голову, почему время считают, а не временем считают, это что например тот человек говорит «сто лет», лет, т.е. мера у него вот это, жара, солнце, растущие деревья и трава, которую надо косить, а это событие, величина, сдвиг, собственный ритм сдвигающейся величины. Сдвигом (была зима, наступило лето, снова) измеряется время. Так? или опять что-то не так?

Не так, а почему — я уже сказал: мы мерим время все-таки не сдвигом, «лето» название условное, а просто *числом*, которое *находим* для себя, как зарубку при счете, или жару лета, или чаще все-таки просто зарубкой служит движение механизма: лето во фразе «мне сто лет» не первично, как надо было бы представлять себе сто сборов урожая, а *условно*, как я загибаю палец «один, два, три», а мог бы класть счетные палочки. Абстрактная (отвлеченная от жары, от биологии) система лидирует. Она как десятичная система привязана к пальцам, привязана к возвращениям жары, только случайно, для удобства.

Да, мы мерим время не сдвигами, а числом, и счет времени соотнесен со сдвигами в сущности так же, как листы месяцев на календаре имеют изображения пейзажей или девиц или архитектурных видов. Слово «лето» вроде бы только как картинка к отвлеченному счету. Счет ведется не жарой и сенокосом, а числом; число это не время а арифметика или математика; время стало быть мы числом считаем сначала. Если мы потом и временем тоже будем что-то считать, то это вторично, для этого надо будет сначала сосчитать время. Так? или опять что-то не так?

Время число сдвига, это смотря еще какое число. У Аристотеля их три. Одно число считаемое: десять овец, десять собак, не бывает корень из десяти живых собак или число « π » растущих деревьев. Второе число математическое, где четные, нечетные, простые, составные, квадраты, корни, иррациональные числа. Третье число идеальное, эйдетическое, близкое к пифагорейскому сущностному числу. Время это первое число, как десять овец; внутри математического числа выделена, выработана система для отсчета времени. Мы говорим «сто лет», и это условно, так сказать только *акцидентально* за сто лет сто раз было жарко и росла трава; если климат унифицируется окончательно и трава перестанет расти, всё равно счет времени — и если бы солнце погасло — продолжится на «лета». — Но господа, какой в этом счете времени будет смысл? Время ведь кончится! Время все-таки привязано к событию нашего мира, не будет солнца, *можно* будет глядя на механизмы говорить «прошло сто лет», но *это будет уже не нужно!* Время будет искать для себя привязку к другим событиям, как например квантовая механика вполне могла бы создать другую систему времени, привязав ее к мировым константам.

Выходит мы считаем время отвлеченным числом, а не

космическими или другими событиями, — и всё равно однако событиями?!

Двойственность, параллелизм остается: время привязано «одновременно» к арифметике и к событию. (!) Или оно широко — весь диапазон от события (вещи) к голому числу, тиканью часов. И должно быть неизбежно привязано! Представьте нельзя было бы для арифметического счета времени делать зарубки в виде часовой механики (зубцов шестеренок) или наблюдаемого приборами распада ядер. *Одновременно* привязка к числу и к событию! Между двумя полюсами. Как же мы в конце концов считаем время, сидим между двумя стульями? Что первично, что чему помогает, часы уточняют и дифференцируют что ли сдвиги светил? А если ведет все-таки сдвиг, то не наоборот ли, как некоторые исследователи говорят, не соврал ли Аристотель, не время вовсе считаемое число сдвига, а наоборот сдвигом в конечном счете считается всякое время?

Вот тут, когда дело доходит до того, что у Аристотеля и «никакой последовательности и никакого порядка», и что «аристотелевская теория времени в конечном счете неудовлетворительна... она была бы намного более ясной, если бы Аристотель сказал, например, что время находится исключительно в сознании, или, наоборот, что оно находится исключительно вне сознания и не зависит от него... между тем Аристотель не говорит ни того, ни другого. Получается, что время у него одновременно и продукт сознания и свойство движения, существующее независимо от сознания. Поэтому аристотелевское время... парит где-то между сознанием и объективной внешней реальностью и не сводится ни на первое, ни на второе. Время не есть ни действительность, ни потенциальность, а и то и другое. Ни в какую определенную категорию включить его у Аристотеля не удастся. Точно понять его и составить о нем ясное представление также не удастся»... «Во-первых [Лосев], уже с самого начала нужно признать ошибочным то, как Аристотель определяет время.... Ведь если определять время как число или меру движения, то само движение уже происходит во времени. Следовательно, Аристотель в своем определении времени допускает логическую ошибку *petitione principii* или частичное *idem per idem*... откуда и возникает у него путаница... будучи лишен ... диалектического метода... путаница и у него самого и у его исследователей... жаль, что Аристотель не оперирует таким принципом, каким является в философии становление». Хорошо хоть что «Аристотель не претендовал на то, чтобы раскрыть загадку времени... был не чужд мифологическому представлению если не о золотом веке, то по крайней мере о внеисторическом, оторванном от мира существовании блаженных островов, населенных разумными и погруженными в философское созерцание жителями...» — он же жил давно, все тогда ходили странноватые, прошлое для нас, мы говорили, всегда тонировано, подкрашено. Оно для нас закрыто патиной времени.

Когда такая расправа идет с Аристотелем, то я говорю: а по стойте, а ну-ка ну-ка... Верните-ка эту тавтологию в логическую ошибку, в текст, не выбрасывайте третий раз повторенное, что время число считаемое. Я все-таки возьмусь за свое, хотя мне дали по шапке, когда я был в Германии. Поставили на место. Дело было так. Один из разъезжающих

русских, который там сделался большим специалистом по русской мысли и довольно широко поставил торговлю философскими матрешками, чтобы показать, что есть конечно Гуссерль и есть другие мыслители тоже, стал критиковать Гуссерля за то, что он, поддавшись по-видимому влиянию Эрнста Маха, захотел уловить цвета как единое ощущение помимо формы. Философ возмущенно начал показывать жестами и убежденно говорить, что как же так можно, вот он сам например своими глазами видит одновременно, как и каждый человек, форму и цвет, зачем абстрагировать отдельно цветовое ощущение от формы. — Я помнил, что мы тут читали у Платона, у Аристотеля и у Гёте и у Витгенштейна, что на самом деле мы видим *только* цвет и переходы цветов, форма рядом с этим вторична и привносится, а главное подлежит смене аспекта, а восприятие цвета смене аспекта не подлежит, нормальному зрению зеленый цвет не покажется завтра красным, а в рисунке на обоях я сегодня не вижу демонического профиля, формы, а завтра увижу. — Но я прикусил язык, потому что спорить с философом, который даже и Гуссерля потоптал, себе невыгодно, он и меня потопчет. Поэтому я ему уже потом, мы с ним очень давно знакомы и когда-то я на него надеялся но теперь уж не надеюсь, сказал что не следует, прежде чем критиковать такую величину как Гуссерль, сначала верить, что он все-таки не скажет явного ляпсуса. Вы все русские, ответил мне профессор доктор философских наук, пытаетесь заместить недостаток знания верой. А лучше бы было прочесть «Философские исследования» Гуссерля, вы их не читали. Потом он сказал, что у меня всё еще платонизм, который преодолен Хайдеггером, так что и Хайдеггера я хоть может быть и читал, но пользы не извлек. Я тут так и осекся, потому что как раз хотел оправдаться тем, что не от себя от русского говорил, что надо априори верить в продуманность гуссерлевских вещей, а цитировал Платона, где Платон в отношении Протагорова «человек есть мера всех вещей» хочет исходить из того, что «разумно предполагать, что мудрый муж не будет бредить». И хорошо что я опять тут сдержался и не сказал что цитирую Платона, потому что я тогда прямо на самого себя и донес бы и доказал, что я действительно погряз в платонизме и дальше мне, хотя бы и с Хайдеггером, не удалось пойти. Платон вообще и в этом мнении о Пармениде вот уж действительно погряз в иерархизме, ему один выше по достоинству, другой ниже, а иерархия преодолена как позорный почти расистский момент в метафизике, и теперь все равны. Недемократично, неполитично еще протаскивать какую-то иерархию, и когда я тому же профессору доктору философских наук говорил, что хотя бы из благодарности к Гуссерлю, которым он давно занимается, надо давать ему какой-то аванс и не сразу срезать, а поискать может быть невидимый сразу трюк, профессор мне совершенно в духе новейшего преодоления иерархии возразил, что он занимается вовсе не Гуссерлем, а философией, это я по старинке занимаюсь Хайдеггером, как застыл на нем, а ведь есть другие мыслители, Рыклин, Подорога.

От этого кошмара, что Аристотель говорил о времени, но и современные философы многие тоже о нем говорят и даже между прочим оказываются гораздо последовательнее, вводя категории диалектики, становления, относя время уж или к действительности, или к сознанию, и не смешивая эти две различные сферы, ведь правда же одно дело действительность, другое сознание, — и так далее, — от этого кошмара я

бегу назад к тем нескольким страничкам, написанным две с половиной тысячи лет назад, и говорю, нет верните мне тут каждую букровку, со всеми повторами, всеми тавтологиями, со всей невнятицей и нелогичностью. И тогда Аристотель вдруг говорит мне такое, сразу так много, такой подарок, что я хоть и подозревал что так будет, но не надеялся.

То, что я сейчас буду говорить, пусть останется одновременно темой для семинара 24 октября в 15²⁰, надеюсь в этой же 2-й аудитории — потому что доброе желание руководства философского факультета узаконить нас как-то затерялось, завязло в глубине университетской структуры, а мне по-честному спокойнее без официальной фиксации, так что нас снова могут попросить подвинуться, но надо быть готовыми к этим маленьким неудобствам. Я не хочу предпринимать никаких мер.

Итак. Понятно, почему *лето* само по себе без помощи и поддержки жесткой системы счета, столько-то *лет*, не годится для счета времени. Лето бывает разное, ни одно лето на другое не похоже. Так всякий сдвиг величины, ἡ κίνησις αἰεὶ ἄλλη καὶ ἄλλη (219 b 9–10). Повторяемость в природе только для подслеповатых глаз, Аристотель нисколько не захочет возражать Гераклиту, что солнце каждый день новое, другое, он только заметит, почему бы ему тогда вообще не быть всегда новым, сплошь, постоянно, αἰεὶ νέος συνεχῶς. Это вот важно. *По-честному считать величины и сдвиги просто нельзя, они все неповторимые как лица.* Не зря и не случайно у поэта перед строкой о большом, которое видится на расстоянии, сказано о лице, о «лицом к лицу»: у всего большого уникальное лицо. И у О.А. Седаковой, в конце того ряда, где «Большая вещь сама себе приют», о ней сказано и другое: «Большая вещь — утрата из утрат». Ничего не проще потерять как большую вещь, величие. Это странно, но действительно величие потерять всего проще. Это еще одна причина, почему мы не можем считать эйдетическими числами, онтологическими, ритмами событий: с величинами не нашего изобретения обращаться неудобно. Даже в математике, где казалось бы всё в нашем распоряжении, наше изобретение идет недалеко, скоро начинается удивительное и не наше, *внушенное* и *услышанное* как-то, inspired.

Господа, раз движение всегда другое и другое, то и время, которому движение является основанием, тоже всегда другое и другое? А вот и нет. Только отчасти. Время у Аристотеля, как правильно говорит Лосев, «стандартизовано», только вот вовсе не за счет служащего универсальной мерой кругового вращения небесных сфер. Оно стандартизовано арифметической системой. Не хочется иметь у Аристотеля ньютоновскую гомогенную вселенную, но получайте, хоть и очень бы хотелось привязать Аристотеля к телесному космосу.

Как можно набросить на все, бывшее и теперешнее и будущее, ровную стандартизованную сетку времени, если каждое событие и каждый поворот солнца уникален, всегда новый? Только так, что всё вообще движение *всей* величины взято, схвачено ἅμα, вместе, как одно и то же. Такую возможность схватить отстоящее одно от другого хоть и на 10000 лет вместе мы у Аристотеля видели — даже их две: одна, проспаться

в Лете, в анестезии все те десять тысяч лет — и другая в полноте «эстетиса» схватить всё в одном мгновении так, что это мгновение сольется со всеми другими не во сне, или может быть в *другом*, вещем сне, во встрече с величиной, о которой мы говорили, что она никогда не дана в развертывании по ступеням целой, но именно потому не дана, что сразу с самого начала дана вся, и схвачена и захватила, как величина. Вот вам уже *две* возможности схватить 10 тысяч лет (т.е. скажем очень много, скажем вообще всё время; ἅμα вместе как одно. *Во сне* мы схватываем всю историю всей величины мира в одном. Нам не надо просыпаться, чтобы на всю же историю набросить сетку единого хода времени, *потому что пространство арифметики это тоже пространство особого сна*. Но господа, как же так, вот ну прямо только что всё было уникальным и каждый день всходило новое неповторяющееся солнце, и вдруг каждый день выравнился с другим, стандартизовался, потому что первый, второй, третий день отличаются друг от друга только именно тем, что один именно первый, второй и так далее, как говорили в Средние века, «нумерически», не то что не по роду, но и не по виду, где уж там по существу. Что произошло, господа, и так вдруг, сразу, в мгновение ока, в мгновение сна, да еще неясно какого, летаргического или вещевого? Или летаргический сон полного небытия он же и вещий? У Сократа в «Апологии» именно так, блаженный сон у него один, лишь бы он был глубокий.

Во сне, заметьте, нет вчера, завтра, годы смешаны, но *именно это уверенное смешение всего события мира в одно*, взятое ἅμα и как то τὸ αὐτό, дает мгновенно набросить на всё сетку времени. Она оттуда, обеспечена тем сновидческим прикосновением к чему? собственно к вечности в особом смысле сразу *всех* времен, какие даже и развернуться-то не сумеют из-за невозможности актуальной бесконечности.

Вот это да. Это тот результат, который если только он один будет у нашего курса, его мне достаточно. Спасибо Аристотелю и спасибо мне, что я поверил старому Платону, что σοφὸς ἀνὴρ бредить скорее всего все-таки не будет.

Поспешим теперь закрепиться в странном пейзаже, куда мы попали. Мы думали, что погружены в текучее время, в котором нам отмерены малые отрезки, и мечтали как-то вырваться из этого жутковатого времени в надежную устойчивую, не текучую вечность или куда еще. *А оказывается именно точка зрения времени как единой сплошной сетки для всего события мира получается когда мы уже имели момент прикосновения к вечности как всевременности, а если бы не имели того сна о вечности, то и никакого времени у нас не было бы вовсе*, ничего кроме слитного со сдвигом ритма самого события мы не знали бы. В тот момент сна мы отвлеклись от уникальности и перенеслись в неразличенное. Время и счет времени получились когда всякое *теперь*, сейчас и потом, оказалось уже как-то заранее схвачено в одно как слитные.

Чуть с другой стороны подойдем к тому же самому. Мы имели параллелизм или вернее даже поляризацию, двойственность, с одной стороны ритм всегда уникального сдвига (еще раз, одинаковость

монотонность вращения неба это для подслеповатых глаз, всё небо для античности разное и говорящее) — но с другой стороны взятое «слитно» событие мира дано сразу как целое. С одной стороны «теперь», можем иметь право сказать как Солнце, всегда разное, его бытие, сказано глагольно, τὸ ἔϊναι, 219 b 11, всегда разное, — а с другой стороны то же «теперь», только взятое в другом аспекте, как ὁ δὲ ποτὲ ἦν, буквально «то что когда-то было», и об этом выражении спорят, но ничто не мешает читать его пока просто буквально: в противоположность уникальному «бытию» *теперь* и *именно* как уникальность, в качестве уникальности оно всякий раз когда-то уже и было. Т.е. одна и та же уникальность и делает каждое «теперь» единственным, и она же одна, и только она, позволяет связать *всё вообще* «теперь» в, если можно так сказать, уникальную уникальность. — Кажется, что стандартизованное время может получиться только на том одном полюсе этой поляризации, где нет уникальности, — но нет вовсе, именно уникальное схватывание уникальности всего, как я и Аристотель говорим, «во сне», обеспечивает (а не якобы размеренное движение светил) единый счет времени. Уникальностью обеспечена унификация, вот так, господа.

Т.е. вроде бы счет времени, один год два года три года, может получиться только на том полюсе, где уникальность стерта, *но это же самое и есть тот полюс, где сдвиг схвачен сразу как единое* уникальное целое, *сразу* целиком, в аспекте вечности или вернее глазами, может быть еще только что проснувшимися, из вечности, *sub specie aeternitatis*.

Хорошенькое дело. Значит попытки вырваться из времени в вечность были попытками *прочь* от вечности, слепыми усилиями. То самое скучное время, в каком мы живем, считая годы дни и минуты, только и смогло появиться когда уже рассмотрено было глазами вечности и из вечности.

Наше время продукт вечности в том простом и ближайшем смысле, что не то что где-то божественная вечность, о которой мы не знаем, как-то, как мы не знаем, выпускает из себя время, а *мы сами сначала как-то*, в мгновение полного или вещего сна, или это одно и то же, заглянули в вечность как всё охватывающее тождество, или слитность, и тогда из нее мгновенно проецировалась на все события мира сетка времени. Что время — производное — это мы уже говорили, и у Хайдеггера читали, но что *сначала* надо было чтобы в глазах блеснула вечность, т.е. мы *сначала* уже видели вечность, чтобы просто можно было увидеть время, — *нам самим* надо было иметь какую-то вечность в глазах, — это наш новый результат, меня он просто веселит. «Время образ вечности» тогда получает буквальный смысл: в этом образе мы изобразили то, что увидели, когда видели вечность^{1*}.

---

^{1*} Вычеркнуто: «Тогда ясно, зачем надо было привязывать время к чему-нибудь, к вращению Солнца. Чтобы не сорваться с цепи. Это как якорь, из-за экстастики вечности. *Вторичная* привязка. В которой суть события (сдвига) не схвачена. — Загадка, или проблема, исторического времени: язык показывает, что время было *порой*. Мое собственное только обращение времени и вечности. Вечность, зон как естественно мир».

Время как выпадение из вечности: оно и есть выпадение, характера срыва, в счете времени печать разлуки, только мы не *сначала* во времени, а сначала в *падении* во время из того экстаза. — Временем поэтому называем ситуацию разлуки.

Интересно, что я доволен тем, что у меня получилось с чтением Аристотеля, не потому что открылось и можно предложить что-то новое, а наоборот потому что я теперь могу спокойно читать, и вам советовать, комментаторов Аристотеля Плотина, Августина, Лейбница, о Хайдеггере я уже несколько раз говорил, и конечно еще?

Конечно Канта, где «время никак не эмпирическое понятие», «необходимое представление, лежащее в основе всех рассматриваний»; «никак не дискурсивное понятие [т.е. до того как мы начинаем рассуждать], но чистая форма чувствующего взглядывания», и красивые противоречия: время объективно, время субъективно; время реальность время не реальность; время никуда никакое не бежит, оно в себе *само* остается неизменным и стойким; мир имеет начало во времени; мир не имеет начала во времени. — Я имею в виду постоянно и Канта, но как мы читаем Аристотеля, главное у Канта мы незаметно уже уловим. — Не надо только *аспекты* принимать за *спорящие точки зрения* и идиотически воображать, что мыслители застывают на своих аспектах и не знают, что аспекты меняются. Помните, что доксы, схватывания, как автоматы Дедала, прародителя Сократа: они обязательно уйдут, и уж *сам* мыслитель таким делом, привязыванием автоматов, заниматься не будет. Это глупо, зачем тогда было изобретать автоматы, гораздо интереснее смотреть, как они сами ходят.

Неясно только, что это за вечность, которая должна была сначала блеснуть вдруг перед глазами, чтобы в этот не самый момент нам приснилось время. Она похожа на пространство числа (можно вспомнить Канта) и так же проблематична в своем существовании, как пространство сна. Чтобы получить счет времени, надо чтобы приснилась вечность, время развертка того сна. К теме следующего семинара, время и вечность, вот тезис для начала: мы уже как-то во сне были в вечности, прежде чем оказались вот в этом нашем считаемом времени, и то бы не оказались и имели бы дело только с порой. К загадкам так называемого исторического времени относится, что язык показывает, что раньше время было порой.

Или еще так: время как выпадение из вечности, характера срыва, т.е. *наше* выпадение из какой-то *нашей* вечности, и в счете времени печать разлуки, только это мгновение было еще пока во сне, падение во время из экстаза. Временем мы называем ситуацию уже разлуки, поэтому мы не *сначала* во времени догадываемся о вечности, а сначала без всякого времени догадываемся о вечности, и тогда только вдруг выпадает время.

Арифметика подошла для счета времени, потому что она совпадает с невременным (вспомним Канта, и Хайдеггера, который всегда к Канту очень близок) существом неизменного времени, она тоже вечная.

Солнце и звезды были привлечены для счета времени примерно так же декоративно, как часы с кукушкой — просто удобные природные часы, надежные и очень точные; или солнце как календарь с пейзажами времен года, только в натуре.

Или в другой школе счет времени будут привязывать к луне. Еще в другой — к подвигам героев, которые тоже могут быть привязаны к астрономии или метеорологии, и может быть параллельно к смене поколений.